

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

Петроградъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Киевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на Д.
Екатеринославъ, Баку, Рига, Екатеринославъ, Елизаветградъ, Новороссійскъ, Эрмани.

Въ наркѣ.

Надъ прудомъ у „Старой Сильвин“.

Фотоподпись
А. И. Пашковича.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 27.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

1 ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

ОКРЕСТНОСТИ ПЕТРОГРАДА.

Фотографии А. Н. Павловых

Озеро.

Осолоинский замок.

Рис. Фигеля.

Под утро были позваны два драбита. Коротко было приказание Наву. Один из драбитов пошел в спальню красавицы Святославы, другой — в покои воеводы Иштана.

Быстрым движением широких мечей были снесены головы молодых любовников. А тла их были сложены в один гроб и закопаны в фамильном склепе — но из гроба с невероятной скоростью выскочили два человека, как извещать встать воеводу Наву, не бангали гербы Течинских и Сандежских, оловянные его...

И долго еще стоял старый замок, обросший стланы его мхом, кругом зарождалась новая жизнь, разрослась мистическая Течина, замок все казался несокрушимым — но свершилось Божье напущение, ударила „Перунъ съ неба“, и от молнии въ концѣ XVIII вѣка сгорѣлъ Течинскій замокъ и утѣхъ древній родъ Течинскихъ...

Видъ замка на Песковой скалѣ близъ Кракова. Рѣка Проняжикъ здѣсь прорѣзала тѣснины и, образуя рѣдъ скалы, особенно выдѣлила между ними Сокальскую гору — на вершинѣ ее постоянно видѣлся гнѣздо соколами. Построенъ былъ этотъ замокъ давно; тогда, какъ говорило преданіе, когда еще не было дна, строили его при свѣтѣ факеловъ... Достоверно извѣстно, что началъ быть постройкою этотъ замокъ въ 1377 году и достроенъ Станиславомъ Шафромскимъ, изъ рода котораго перешелъ къ Яновскимъ, а отъ послѣднихъ къ Миросинскимъ, которымъ онъ принадлежалъ и въ настоящее время. Въ 1851 году пожаръ истребилъ старый замокъ, въ которомъ было до ста пещеръ и громадная подземелья.

Мрачной славою пользовались эти подземелья, много ужасовъ, крови, страданій выдѣли они за свое долготѣвшее существованіе.

И, какъ бы желая еще сильнѣе отбѣить людскую жестокость, была сложена легенда о сокольной горѣ.

Въ подземелье замка на Песковой скалѣ былъ брошенъ прекрасный юноша, онъ уже ждалъ неизбѣжнаго конца, но изверги не дождавшись просто казней, узнику было обѣщано, что онъ можетъ получить свободу, если взойдетъ на Сокальскую гору и доставитъ молодого птенца-сокола. Но недоступна Сокальская скала, не можетъ на нее взойти человекъ, и только молодые сокола вылетъ свои гнѣзда... И мечется несчастный узникъ, пылается взлѣзть на скалу, но, подвигившись на вѣсколомъ арканѣ, летитъ внизъ и снова, памятуя, что ему обѣщана жизнь, карабкается вверхъ, чтобы опять очутиться у птенца... Измучившись, выдохшись изъ силъ, засыпаетъ онъ, чтобы съ утра начать свои попытки... Но если люди жестоки, то у птицъ — сокола вышло сострадательное сердце... Когда узникъ заснулъ, спустился къ нему два старые сокола, подняли его на свои крылья, принесли къ гнѣзду. Проснувшись узникъ отъ ужаса и изумленія, и, когда онъ взглянулъ внизъ, тѣ же старые сокола на своихъ крыльяхъ бережно спустили его внизъ на землю...

Въ развалинахъ Осолоинскаго замка, въ Сандежскомъ полѣ, въ день Рождества Иисуса Христа устраивается „Яновская казель“, приносится чудотворный образъ и служатся три торжественныя мессы. — Откуда произошло это обычай, когда можно было начало зимы мѣсяца, что свидѣли съ нимъ — зимы, не извѣстно, на всѣ вопросы дается лишь строготный отвѣтъ: „обычай этотъ ведется съ незапамятныхъ временъ“ (Zwyczaj ten istnieje od niepamiętnychъ czasów). Гораздо бѣнша Осолоинскаго

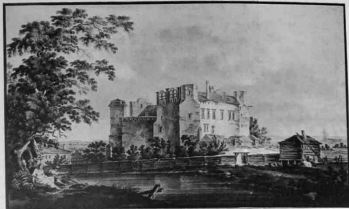
Видъ замка въ Краснѣ-ставѣ.

Рис. Фигеля.

Видъ замка
въ Држевицѣ.

Рис. Фогеля

замокъ виднѣется издали, но самой замокъ лежитъ въ развалинахъ...

* * *

Замокъ въ Красновѣ построили въ 1426 году Казиміромъ Великимъ, такимъ образомъ сохранилъ Фогель и память о Казимірѣ Великомъ — „длинногъ крутъ“, какъ презрительно зноменовала горда шляхта этого короля за его сердечное отношеніе къ холопу, къ обезправленному польскому крестьянину. Кромѣ замка, по повелѣнію короля, были выкопаны большой прудъ, изъ котораго спускалась вода въ протекающую рѣку, когда посадники высматывали... Въ оныхъ старикъ стѣнахъ Красновѣ видны многіе знатныя пещи. Здѣсь лежала — сложилъ себѣ нутъ въ Влодавской пещи — Владиславъ Ягелло, здѣсь въ 1588 году былъ заключенъ принцъ Максимілианъ, кандидатъ на польскій престолъ. Заточилъ принца Янъ Замойскій, когдѣ его послѣ жестокой битвы въ Лявкѣ... Въ мѣстечкѣ около замка росла польскій историкъ Станиславъ Пашаля.

Замокъ въ Држевицѣ сохранилъ память о битвѣ со шведами въ 1655 году. Этотъ замокъ усердно посѣщала Казиміромъ Великимъ, здѣсь жила его любовница — прекрасная стрѣлка Эстерка.

* * *

Во жизни XVIII вѣка обращаетъ на себя вниманіе любовь къ садамъ. Во Франціи появилась даже пѣсня поэма въ четырехъ пѣсняхъ „Сады или искусство украшать сельскіе виды“, и авторъ ея, Деланъ, составилъ величайшимъ потомъ. Двое садовниковъ,

Ленотръ и Кентъ, одинъ представитель „французскихъ“ садовъ, другой „англійскихъ“ садовъ, привлекли къ себѣ виножитъ, каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ и защитниковъ. Деланъ сдѣлающими стихами охарактеризовываетъ этихъ соперниковъ:

Одинъ (Ленотръ) представитъ намъ порядокъ, пышность, стройность, И въ украшеніяхъ холодную пристойность, Наряды чуждые присвоенной полямъ, Древямъ дѣять законы, оконы шлеть водамъ, И гордый царь рабовъ бантасельскъ, острѣнскъ, Оакъ величайше, но мѣсто прѣтенскъ. Другой (Кентъ) почитательный любовникъ, съ простотой Природу нарядилъ безпримесной рукой, Въ мѣстахъ ея привычки сохранивъ, И благородную небрежность уваживъ, Учить странности въ красу преобразить И случай дѣйствіемъ обузданнымъ явить...

Какъ видно изъ этихъ стиховъ, Деланъ является сторонникомъ „англійскаго“ сада, который мало-по-малу вытѣснилъ садъ XVII вѣка, классическій французскій садъ, съ обстриженными деревьями, съ правильно планированными аллеями, съ узорчатыми кѣтниками и ровными дорожками. Деланъ садовъ произволилось по характеру сада — сады могли быть торжественными, ижею меланхолическими, романтическими, сѣдлыми, веселыми, пріятными и, кромѣ того, садами, состоящими изъ смѣшенія всѣхъ упомянутыхъ разныхъ са-

Уголѣкъ англійскаго
сада въ Олешинѣ.

Рис. Фогеля

Общий видъ усадьбы.

Аллацкини. Одна изъ
гостиныхъ дома.

ИМѢНІЕ
АЛЛАЦКІВИ.

Лифляндской губ.,
барона Генр. Ара. Нолькена.

Аллацкини. Галерея предковъ.

Издание Александрия расположено в Лифляндской губ., недалеко от Чудского озера. Дом, на левом берегу, выстроен, в 1802 году, ставил архитектором в 1880—90 годах. Владельцы баронесса Ари. Эри. Нильсена. Платформа русского феодального графа Меншикова. Дом выстроен на высоком месте. Особенности очерт. живописны: видны издалека необширное Чудское озеро, по берегам которого расположены красивые деревни русских рыбаков.

Въ домѣ находится много интересной мебели и художественныхъ предметовъ разныхъ стодѣтъ: коллекція старинныхъ и новыхъ картинъ, библіотека. Домъ выстроенъ безъ помощи архитектора.

Наружный видъ дома въ Аллацкеви.

тора, по чертежамъ и указаніямъ владѣльца дома, что достаточно говоритъ о художественномъ вкусѣ основателя.

Николе Адамовичи отъ отца перешло въ наследство къ сыну барона — Гсир. Ара. Польскій.

ПОДЪ ШАТРАМИ.

(Окончаніе).

17 апреля.

Сегодня рано утром мы поднимаем лагерь, съезжая, чтобы ехать к берегам Мертвого моря.

Тамъ, прелесть, какъ складуютъ лошадей и мы заканчиваемъ нашъ ранній завтракъ, потрошки и даже въ нашихъ саутъ быстро свертываютъ палатки и нагружаютъ муловъ, повторяя то же самое, что уже дѣлалось во времена пророка Исайя: „Жизни мое снимаютъ съ мѣста и уносятся отъ меня, какъ шалашъ пастушескій; я долженъ оторвать жизнь мою“. Меланхолическій образъ нашихъ быстро проходящихъ дней.

Послѣ получаса ѣзды мы свернули въправо и начали спускаться къ Иордану по узкой каменной тропинкѣ. Тропинка, извиваясь, вьется, отбѣгая глубокія расщелины и склоны глинѣстыхъ и совершенно голыхъ кургановъ, пологихъ на полуостровѣ кратеры. Земля была полна на луной ямкахъ, и оттого, вѣроятно, что надъ всей этой мѣстностью носилось какъ-бы предвѣстіе смерти, намъ стало жутко и грустно.

Мы достигли Иордана и перешли его по старому деревянному мосту. Иорданъ въ этомъ мѣстѣ не болѣе, какъ рѣчка. Онъ измѣлсто течетъ между береговъ, сплошь заросшихъ камышами, кустами тамариса и олеандровъ и высокими стеблями пшеницы. Тутъ было сравнительно оживленно,—плыли птицы, но по ту сторону рѣки измѣлсто снова пустыня.

Послѣ часовой ѣзды поѣхали палатками лучшии солдаты в средѣ абсолютной тишины, мы достигли свѣтлаго берега Мертвого моря. Тутъ насъ ждала моторная лодка, доставившая насъ въ эту пустынную мѣстность южъ Иерусалима, и мы разлѣзли на дѣх артѣи. Караванъ, вмѣстѣ съ животными со всѣми пожитками и верными лошадьми съ конюшней, „мурками“, подъ охраной двухъ турецкихъ жандармовъ, „кафѣтовъ“, двинулся далее на востокъ, а же и моя ступица въ сопровожденіи драгоманъ Габриэля Атаджанъ и двухъ саутъ, захвативъ съ собой лишь одну легкую палатку, воды и пищи на одинъ день, разлѣзается въ лодку и поѣхалъ по тяжелымъ волнамъ Мертвого моря, къ его западному берегу, выдвигаясь въ горизонтъ въ полѣ темной грозной тучи.

Ничего „мертвого“ не чувствовалось въ пейзажѣ. Вода была синяя, съ изумрудными налетами, горы вали были покрыты прелестной фиолетовой дымкой, даже ближайшій отъ меня берегъ, по мѣрѣ того, какъ мы отдалялись отъ него, принималъ очертанія и окраску средиземноморскихъ „кастелло“ и готическихъ соборовъ.

Мы стали подходить къ берегу, и картина рѣко измѣнилась. Къ намъ приближалась длинная полоса песковъ, дикъ и отъѣска шероховатая скала, изрытая впадинами и неспешными расщелинами. Подъ горячимъ лучами полуденнаго солнца, надъ песками и долинами стлалась неформенная пѣна дыма, въ которой время отъ времени загорались и быстро выжигали огоньки съ отблескомъ горѣвшей сѣры.

Мы вѣли у берега, когда одинъ изъ сопровождающихъ насъ рабочихъ всталъ и, указывая рукой на темную скалистую террасу, проговорилъ: „Эгеддѣ!“

Эгеддѣ! Милостивая слава божья! Волшебная музыка словъ! Вотъ ты, первое мое, знаменитое савѣ Писемича: „Какъ жистъ князя возлюбленный мой у меня въ виноградникахъ Эгеддѣскихъ“.

Я первый выскакиваю изъ лодки и вду по неважно пещу широкую пляжа. Вокругъ меня дикъ и малѣе ручейки поросшіе тростникомъ и высокой травой: тутъ заросло пернатыхъ. Впередѣ дѣлать являе субтропическій растительности, кусты кагилы, дикого жасмина, олеандровъ. Гнетется другъ около друга въ живописной безпорядкѣ. Деревца тамарисовъ, въскакиваютъ дикими обилии, вѣтвисты, знаменитыя обилии Содома съ бѣлыми цвѣтами и желтыми фруктами. И тутъ и тамъ выскакиваютъ и поваливаются стволы мертвыхъ деревьевъ.

Солнце печетъ нестерпимо и асѣ растенія мѣлѣютъ отъ жары, съжимаются и валяются.

Передъ знакомымъ пейзажемъ, принявъ болѣе ясныи очертанія и воздуха сталъ прозрачнѣе. Теперь можно было видѣть несообразно высокимъ глазомъ противоположный берегъ и различить въ бѣловатой отблески течи.

Вотъ Матерусъ, только повисшій въ воздухѣ дикоросъ ширѣ Иордана, на террасѣ котораго палата Соломона, и дѣлала степь, обремененную въ баллистру, Иродіада, Мазеба, библейскій городъ Маназа, основанный еще мавританцами Валь-Монъ, принадлежавшій въ-когда клану Руфина, а горало правде, на томъ же берегу, гдѣ мы стоимъ,—Маслада, грозное христовъ Махавель, разрушенная легендами Фаилъ Салмы.

Но здѣсь ко всѣмъ прочимъ воспоминаніямъ прибавляются образы въскакивающихъ женщинъ олицетворяющихъ въ насѣмъ изображение всю явлю, всю чувствительность а всѣ ароматы этой страны Суадима, Равны, Иродіады, Соломонъ и царствъ Нада,—Касотатри, жившей долгое время у стѣнъ древняго Иерусалима.

2 Мая.

Вотъ уже дѣлѣ некая какъ мы покинувъ чужбинѣ берега Мертвого моря. За это время мы разискали среди песковъ и скалъ развалины храмовъ и разрушенные города, мы видѣли извѣстныи остатки аскадическихъ дворцовъ, чьи каменные мостики только въ Библии, мы признали много времени по каменнымъ тропинкамъ Моисея и теперь второй день стоимъ лагеремъ у древнихъ развалинъ Араха, Эль-Эзера, расположенныхъ въ совершеннѣ пустынной и дикой мѣстности.

Высокія травы и утробные скалы охраняютъ развалины дворца и христовъ легендарнаго іудейскаго царя Гарина. Еврейскій историкъ Іосифъ Флавій рассказываетъ, что эти постройки, воздвигнутыя во II вѣкѣ до Р. Х., были окружены неколебимыми стенами, не имѣвшими себѣ равныхъ по красотѣ и пышности.

Мы прибыли сюда когда было уже темно. Слухи испугали насъ съ филономъ на вершѣ отъ лагеря и промѣли насъ къ палаткамъ раскинутымъ среди высокаго травъ. Не успѣли мы сплестись, какъ появились благообразный пейзажъ, осѣдлый стоя въ сопровожденіи двухъ сыновей съ воинами: съ бараномъ, съ овцой, козлами, съ явными и козыми волками. И сейчасъ же началось салмазали, поклоны, прикладываніе рукъ къ груди и челу, торжественная и въскакивающая музыка, призывавшая насъ къ благословенію Аллаха, великаго и многостепеннаго.

Послѣ обѣды мы поѣхали въ лагерь бездѣльной оладъ вонять шеку. Въ стѣнѣ жистѣмъ насъ вѣлѣло ждало. Среди палатокъ горѣла бѣлые жистѣ, а въ палаткѣ жистѣ все было прибрано а

устанавливали толстыми коврами. Опять начались покосы, дни в восточной лубежесте, постоянные воспоминания о престолах Адама. Мы раскисли на коврах и младшая дочь шептала, как красива ее порнографическая правильными чертами ладья, поплавок, как прекрасна традиционная кофа.

Но зато сварили воспоминания крики, бранные угрозы, зловещие, злобавый стон свиртан. Началась тавец и продолжалась так долго, что было уже за полночь, когда мы вышли уже палатки нашего друга шейха. Среди окружающей пустыни горла, фалосы и костры, освещенные, освещенные, тавец, тавец, профан шатров и засмеянные головы высились дромадеров, пережигавших пахучие травы.

4 May.

Сегодня мы поднимали стая раны обыкновенного, так как
нельзя набраться пройти версты сто.

Было еще темно, когда слуга разбудилъ меня, войдя въ палатку съ зажженнымъ фонаремъ.

Утром, армянским, как мы пили чай и закусыли, богато улаживалась его мятки и наивысшилась на мулов. Подели лошадей. Давя несколько приказаний повару, набавлявшему за укладкой кухни, относительно будущей стоянки, мы съез на коней, чтобы двигаться по направлению к Джерашу, расположенному вблизи знаменитых развалин древней Геразы.

Мы шли по берегу одного из протоков Борана—уади Нир-мале. Романтический характер пейзажа напомнил мне некоторые картины Каламы. Вдоль речки и по склонам повстречавшимся на пути источникам, росла олива и на берегу в изобилии росли дубовые и пирамидальных тополей. Все чаще и чаще попадались обрабатываемые поля, хозяйственные и жилые дома из глины и необожженного кирпича, окруженные садами, огородами и виноградниками.

Солнце уже было высоко, когда мы дошли до Эль-Сальва, крупного административного центра этой части Заиродандия, но города почти совершенно нового и излолотовому заселенного христианами.

Мы обогнули Зай-Салды и снова поднялись на гору для того, чтобы через минуту с большими трудностями спуститься по каменистым, осыпающимся тропам в широкую травянистую долину, в глубинах которой скрывался южный гор.

За долинами опять горы, подгемы и спуски, снова трава, камни, цветы. Тшина почти нивьма не нарушаема. Иногда только прокукует кукушка, зашмыкает жаворонок, шумно пролетит журавль, но чаще всего лишь один звон аполлоновых кошот в кизиле. За спуском, негасимого ветра.

Мне не хотелось бы, да шумящего автостр.
Мне не хотелось бы, да шумящего автостр.
Их жари и усталости покуривать глазами.
Но вот кь намъ присоединился какой-
то всадникъ и сейчасъ же вступилъ въ
разговоръ съ нашимъ „драгоманомъ“.
Оказывается, что это молодой купецъ изъ
Аммиа (вздуи), какъ и мы въ Джедиде.
Онъ проситъ развѣрнуть присоединиться
къ нашему каравану, такъ какъ боится,
чтобы его не ограбили. Мы конечно со-
глаждаемся.

Древний Герала. Ке

Снова ночью в речной долине,
вблизи жалкой туркменской деревушки.

Ветером, — объяснено, собак заводить сложный концерт и как нас приводить гулять куда-то не вся деревня. У этих турок есть совершенно бьянш чьих лица, что поразително по сравнению с бьянш и с бьянш из городов черных. Одни все эти лица крайне пестро, особенно женщины: из какие-то различные сарафаны, платки и бьянш свитки. Малороссии, да и только.

Послѣ обѣда мы требуемъ у старосты оравны на ночь, что намъ кажется особенно необходимымъ на этотъ разъ, въ виду того, что рядомъ расположился громадный караванъ, пришедшій изъ глубины Давалада съ разнаго рода товарами для Иерусалима.

7 May.

Древняя Гераза, где ныне встречается впервые в истории в царствование еврейского царя Александра Iанкая, является из архитектурно-художественно типичным образчиком сиро-византийского искусства, зародившегося в Малой Азии на заре христианства.

Греческое искусство пришло из этого славянского края по пути римлян, этих малословных, но приспавших учеников Запада. Но как? Рим, так и Запад не довели устои перекрестками постоянной цивилизации. Уже при первом столкновении с ним было порождено то, а что? время так, так чувствительны и пошло стало это порождение. Конечно, из I века по Р. Х. греки издали еще строили и дворцы по древнему эллинистическому и не отказываясь изображать человеческое тело по старому образу, но уже сто лет спустя их замесивали и подражали

стали замечательная находка, шаг. Во II и III вв., к которым относится построение почти всех главных общественных зданий Геразы, уже включенной тогда в состав Римской провинции Аравии, греческие мастера, работавшие на Востоке, не ограничивались точной передачей эллинистских образов. В угоду господствующим вкусам и требованиям и позаимствовав восточных формул они стали искать сложности во формах, простоты во красках и богатства во орнаментах. Вскоре же передача природы и человеческого тела перестала казаться им целью и задачей искусства; скульптуру они заменили «живописным орнаментом», а изображение настоящей флоры и фауны, — арабскими и пестрыми сочетаниями разнообразных камней. Одновременно стали уходить в прошлое ирреальность рисунка и чувство пространства, так свойственные «барбарам», которых древние эллины ставили выше всего в искусстве. На первый план начала выступать задача исполнить как можно эффективнее детали и композицию здания по плану и возмозможности.

Самое же поверхностное собрание античных Геральдических гербов, которые я видел, — это собрание, которое я видел в библиотеке в Берлине. Оно представляет собой собрание гербов, которые были в употреблении в Германии в XVI и XVII веках. Оно представляет собой собрание гербов, которые были в употреблении в Германии в XVI и XVII веках. Оно представляет собой собрание гербов, которые были в употреблении в Германии в XVI и XVII веках.

Часто дети и взрослые привозили намь разных рода безделушки: монеты, иногда золотые, но большею частью серебряные с изображением профилей Римских Императоров, амфоры из сухой глины, бронзовые статуэтки, — мы покупали все за гроши, так как туристы въ этихъ мѣстахъ были большаго рѣдкости и туземцы не умѣли еще надувать путешественниковъ.

Мы неотомно уехали из Джераша, и еще теперь я не могу вспомнить без грусти те дни; но к каким воспоминаниям примешиваются мысли о той, которой уже больше жить около меня, но чей образ постоянно витает вокруг и солдаться с какими-то воспоминаниями.

Из Заирондана мы пробрались на Ливан через Босру, Дамаск и Баальбек. В концы мая мы пересекли через галейный хребет Ливана и в первых числах июня стояли лагерем около древней Афики, теперешней Афин, на вершинке западного склона Ливанских гор.

Фел, автора.

Я видела "кальоны" Колорадо, скалистые горы Канады, я посетила чудный миста Саванни и смотрела при восходе солнца на Гималаи у Дарджилинга, — нигде я не испытывала того чувства восторга, того впечатления таинственности, как в этой части Ливана, пропитанной историей, легендой и мифом.

Наша планета была раскинута почти на краю отливной скалы, нависавшей над длинным и в ширину уловлемым. Ущелье замыкалось колоссальным размытым стеной флювиотек и бурно скрытых гор, вымывшихся стеной короной. У самого основания стены чернела глубокое пещера, из которой вылетала с шумом могучий поток и падала тремя скачками на самую глубину ущелья.

Пейсера это удивлялись: гротом, Адониса, а бурный поток
мечталась, мистическим ядом, Нарз-Ибрагим. Тут, в младше-
ствии, яхлов разогрели знаменитый жинг Адониса и...
Немалая громогласия, оставил... Это был один из бес-
человечных хитроумных и порочных... сотоварищей богинь любви и на-
висти, который, прибегая к Атоматю, к Исавро, Валантик,
Астерой, Исавро, Интару, Амаргату, Астароту, Афродите,
Венере и в честь которой двукратно Финикии, Лидии, Армении и
Персии отдавала проложившее свое тело, на пороге красоты, как
свищенную жертву.

Мы нанесли землю поля Аггер у старика и его сыновей, которых многие ученые считают прямыми потомками древних финикийцев. И вот однажды хозяин наш принес нам подарок: какие-то подозрительные по виду, фрукты, кушанья молока и раз-
ного рода безделушки, медали, цветные камешки. Они настоячиво

Древний Геракл. Колоннада храма Солнца.

Φ07, 287094.

Однажды, это было, кажется, на третий или четвертый день моего пребывания въ Динарѣ, рядомъ со мною на верандѣ расположился одинъ мой хорошій

мый, которого я любил за то, что с ним не было поддерживать разговора и можно было даже его не слушать.

Какъ старый „habitué“ Динара, знавший все и всѣхъ, онъ сейчасъ же съ мѣста въ карьерѣ сталъ разсказывать мнѣ мѣстные сплетни и происшествія. Я слушала его нехотя, хотя онъ не былъ лишень остроумя, какъ вдругъ онъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— Смотрите! Вотъ идетъ леди Фальборнъ, а съ ней Мэри Маклинъ, конечно съ графомъ Питти. Вѣдь вы знаете, она выходитъ за него замужъ... Старая итальянская аристократическая фамилія, очень красивый гербъ, нѣсколько палатъ въ Римѣ, во Флоренціи, въ Болоньи. Вѣдь вы кажется съ ними знакомы?..

Знакомъ ли я былъ съ ними! Мнѣ стало слышно, но я ничего не отвѣтилъ и принялся смотреть на проходившую группу. Мэри, моя Мэри, вся въ бѣломъ, шла, легко ступая по песку пляжа и о чемъ то оживленно разговаривала со спонимъ женихомъ. Она была все такъ же красива, развѣ только немного за-

горѣла и пополнила, съ прежней эластичной походкой и металлическимъ голосомъ. Мнѣ казалось, что я слышалъ отчетливо не слова, которыя она произносила, а тембръ ея голоса. Такимъ же голосомъ она спросила меня годъ тому назадъ, тамъ въ Нью-Йоркѣ, на крышѣ ресторана: „Что это вы такъ задумались?“

Она прошла мимо веранды, на которой мы сидѣли и ли разу не посмотрѣла въ нашу сторону. Возможно, что она меня не видѣла, возможно, что не хотѣла меня видѣть. Но мнѣ было все равно.

Когда группа скрылась за угломъ я всталъ и прошившись съ моимъ знакомымъ пошелъ къ себѣ въ комнату.

— Теперь,—сказала я себѣ поднимаясь въ лифтѣ,—нѣтъ никакого основанія беречь послѣднюю нить еще связывающую меня съ этой женщиной... За послѣдніе два года между нами всегда стояла фигура этого человѣка, ея теперешнего жениха. Мы оба постоянно думали о немъ, но теперь, когда она ему вполне принадлежитъ, мнѣ сдается, вполне ее забыть.

Въ тотъ же день я ухлылъ изъ Динара.

Николай Брунчатовичъ.

Шатры на фонѣ Мертваго моря (на шатрѣ русский флагъ).

Фот. автора.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

...Говоря о разныхъ небезналичъ ставкахъ въ связи съ лекціями „о жилищѣ“, устроившими однимъ изъ столичныхъ архитектурныхъ обществъ.

— Я появивъ—сказала кто-то—откуда пришелъ къ намъ, такъ называемый стиль „Египте“ только тогда, когда посѣтилъ Египетъ. До этого и никакъ не могъ себѣ объяснить какимъ путемъ зоманъ и легкая линия мебели эпохи Людовика XV могли такъ быстро выстроиться, закончить и приобрести такую сухость и безжизненность. Но когда я осмотрѣлъ Буважскій музей въ Каирѣ и царскія гробницы Фиванской долины, я сказалъ себѣ: „Да вѣдь это же назъ Египте!“

— А можете ли вы знаменитую аллею сфинксовъ съ бараньими головами въ Каирѣ?—спросилъ другой собесѣдникъ. Подобная стилизованная баранья голова и видѣтъ впервые въ деталяхъ и въ орнаментикѣ стая Аамсъ, этого англійскаго Египте. У меня была лекція съ подобными бараньими головами и каждой разъ, тая на нее, я вспоминалъ аллею сфинксовъ въ Каирахъ.

— О ней подробно говорится въ знаменитомъ романѣ Теофила Готье: „Le Roman de la Momie“, хотя въ 17 года, когда Готье жила въ Египтѣ, аллея эта была расчищена лишь наполовину.

— Но онъ являлся—мнѣ поэта догадался, что она была именно такой, какой онъ ее описалъ...

— Да, романы позволяютъ имѣть полную историческую документальность.

— Не только романы, но и просто сава. Помните Мерзю: „Если бы носъ Клеопатры былъ чуть-чуть короче, то судьба мировой исторіи повернулась бы иначе“. Мнѣ лично кажется, что если бы Клеопатрѣ не побывала

въ Египтѣ и не заключила Кампоформийскаго мира, то у насъ тогда бы не было стая Египте.

— Вы забыли Луну Давида! Это былъ самый непримиримый врагъ искусства и стая эпохи Бурбоновъ. Не боявшись, я онъ толкнулъ Францію въ объятья холостяго академізма. Онъ же придумалъ и воздвигъ стая для молодой французской Имперіи: пѣтъ холодно, напущенное и сухое, хотя красивое... Намекъ этого стая были пылесосъ нѣтъ изъ Италіи, гдѣ онъ восхищался и любилъ только классицизмъ періодовъ, подобно Гете и Винкельману, эти намеки онъ сѣмалъ съ образцами, доставленными изъ Каира членами „Египетской Экспедиціи“ Бонапарта.

— Лун Давидъ былъ жертвой энциклопедистовъ, мы же являемся жертвами холодной выдумки Луны Давида.

— Далеко не всѣ! Англичане давно уже модернизировали Египте и принимали къ современнымъ нуждамъ и современной эстетикѣ стая Аамсъ, Чепендэля и Черотона...

Королю Рождественскій досталъ за бутылкой добраго Musigny. Однако изъ присутствующихъ, котораго называли „русскимъ парадикомъ“, говорилъ, продолжая начатый разговоръ:

— На Замѣлъ всѣ усилія человѣческой мысли направилъ къ тому, чтобы упростить жизнь. У насъ же стая преобладаютъ и часто совершенно основаны стая простыя формы общности. Возьмемъ примѣръ: два господина астробываютъ на улицу въ холостой зимній асья. Оба сѣшаютъ, во яя одному изъ нихъ не пріятно на улицѣ воздоронаться, стая инкомъ голови. Наоборотъ, она останавливается, и прежде чѣмъ поэтъ другу другу руку.

Египетъ. Аллея сфинксовъ въ Каирахъ.

(Изъ „Ladies Field“).

... въ продолженіе пѣсочныхъ секундъ дѣлать нечеловѣчическія, чтобъ какъ можно скорѣе сваять съ правой руки перчатку, причѣмъ одинъ будетъ говорить тономъ протеста: „пожалуйста“, а другой будетъ повторять: „помните!“ Затѣмъ, быстро показавъ другъ другу холодные пальцы, они столь же скоро разойдутся, такъ какъ нѣтъ на самомъ-то дѣлѣ не о чемъ разговаривать. — Обычай снимать перчатку, прежде чѣмъ здороваться, я нахожу очень элегантнымъ, — замѣтилъ другой собеседникъ. Въ этомъ

есть что то рыцарское. Это своего рода подвигъ забрало. Вспомните, что то же самое дѣлалось и во Франціи, на зарѣ XVIII столѣтія. Тогда ни одинъ „gentleman“ не рѣшался цѣловать руку женщины, не снявъ предварительно перчатки.

— Да, но тогда цѣловали руки маркизисъ. У насъ же, въ наше время, прикладываются къ рукамъ каждой женщины при первомъ же знакомствѣ. А между тѣмъ подобный жестъ есть знакъ глубокаго уваженія или... большая фамильярность...

ПОРТУГАЛЬСКАЯ МИССИЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Марита
Баталья-Рейсъ,
дочь посланника.

Сезезъ Баталья-Рейсъ, старшая дочь
португальскаго посланника.

Португальскій посланникъ въ Петроградѣ
Ж. Баталья-Рейсъ.

Беатриса Баталья-Рейсъ,
дочь посланника.

Лазаретъ имени Е. И. В. Великой Княжны Татианы Николаевны „Забота о раненыхъ“. (Кабинетская, 10).

Среди святыхъ на группѣ: прелата. Ел. П. Антонова, лавца, воеводствомъ О. Н. Филозофа, старш. врачъ проф. Н. Ф. Чагаевъ, врачъ Л. В. Бароткина, Л. А. Брагина, ст. сестра Ансова, сестра Алексина, сестра Авербахъ, баронесса Е. А. Корфа, А. И. Шенкина, О. А. Лобанова, баронесса А. П. Власфа, С. П. Захаровская, баронесса О. А. Вольфа.

Петроградскій лазаретъ Понровской общины. Состоящій подъ поличествомъ Е. В. Принца Петра Александровича Ольденбургскаго и Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны.

Впередъ рядъ слева направо: прелатъ П. И. Дворниковъ, Захаровъ, сестры Москунова, П. Ю. Бонина, А. Д. Жерновскій, прелатъ Е. А. Захаровскій, сестры М. А. Арханъ, Л. П. Вороникова, А. Я. Гребеншикова, М. Е. Денъ, М. К. Гузика, М. З. Банъ, О. Т. Тихонова. Средний рядъ слева направо: сестры Р. И. Штурма, О. А. Щербачева, Е. Г. Кольманъ, А. В. Мартиновичъ, ст. врачъ Е. Л. Малиновъ. Нижний рядъ слева направо: Е. Г. Кольманъ, М. Ю. Обалонская, О. К. Зырина, А. П. Казанкова, М. С. Казанова, О. С. Лавина.

Офицерская палата лазарета, устроенного при доме Минского Губернатора.

Люб. Алдр. Гирсъ, полчичислѣи Минской Облѣсти Сестерь Милострѣи Краснаго Креста в Минскаго лазарета Имѣи Е.И.В.Государина Имѣи-ратрицы Маріи Феодоровны.

Соф. Мих. Бюингъ, роид. баронесса Медовъ, жѣн. Тверскаго Губернатора.

ПРОВИНЦІА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Мастерская Краснаго Креста въ Тверскомъ Императорскомъ Дворцѣ.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Дамы, работающія на нужды войны.

Барон. Е. М. Розенъ, рожд. Плавская.

А. Е. Цонова (по первому
браку кн. Джамбуръ-
Орбеляни), рожд. Герс-
канова.

Княг. В. Н. Магалова,
рожд. Башкирова, рабо-
тасть собственномъ
азаретъ.

О. Н. Юрьевичъ, рожд. Бодисно.

Дамский лазарет л.-гвард. Преображенского полка, имени Е. И. В. Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.
 Верхний ряд сидела направо: княгиня А. А. Черкасская, А. А. Юфрова, Т. А. Денъ, Д. П. Гессе, А. А. Головачева, М. Н. Кузьнева,
 М. А. Окель, О. Н. Приклонская. Сидят слева направо: В. Н. Юмодский, Н. М. Цитовичъ, герцогиня М. Н. Лейхтенбергская, Ю. П.
 Казакова, Э. Г. Назаровка, К. В. Вакулина, Н. А. Юшкова. Внизу, сидела направо: герцогиня А. Н. Лейхтенбергская, В. Э. Эрнстремъ,
 сестра Крылова.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Лазаретъ Северо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ УСАДЬБЫ.

„Волка заструниваютъ“.
 Въ иждѣи „Красильщиковъ“
 Рязанской губ.
 Фотогидъ.

Приѣздъ на лосиную охоту.
 Въ Талицкомъ Заводѣ
 (Пертской губ.), иждѣи По-
 ковскихъ-Возель.
 Фотогидъ.

Въ усадьбѣ Заруцкое Е. П.
 Бекъ, въ Черниговской губ.
 „Купаніе лошадей“.
 Фотогидъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ.

XXIII ВЫСТАВКА ПЕТРОГРАДСКАГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВЪ.

26 декабря открылась XXIII очередная выставка Петроградскаго Общества Художниковъ. Отсутствіе специального выставочнаго помещения тяжело отразилось на различныхъ художественныхъ обществахъ и кружкахъ, вынужденныхъ прибегать для устройства своихъ выставокъ въ различные частныя помѣщенія, часто далеко не отвечающія необходимымъ условиямъ для художественныхъ выставокъ.

Война отразилась весьма мало на произведеніяхъ нашихъ художниковъ и весьма мало хвостовъ, посвященныхъ событіямъ «важныхъ дней», утопаютъ среди мирныхъ пейзажей Коондратенко, Велья, Лаженикова, Нечасова, Рихтенштейна и другихъ. Въ особой комнатѣ выставлено свыше 8 холстовъ баталлиста Мазуровскаго, вѣдущаго художника, события на «западномъ фронтѣ», но въ художественномъ отношеніи эти вещи едва ли могутъ представить какой либо интересъ. Попрѣжнему условно-красивыя «головки» и «бюсты» Маковского жеманно улыбаются изъ своихъ рѣзныхъ рамокъ. Художникъ Бинамассовъ, кромѣ картины «Семейная группа», покажутъ чересчуръ уже тѣсную, что вредитъ самой картинѣ, давъ цѣлый рядъ этюдовъ рабочаго и негра, скамьи на солнцѣ свои ослѣпительные дубы. Чужаго очертанія знакомыхъ и знакомыхъ изъ головы въ «сестринскомъ» уборѣ, вѣдущей своимъ зеркаломъ окошко автомобиля — «На светлое небо» картина А. Пасса; сѣвья по краскамъ и его акварели — «Въ воспоминаніе Имперіи». Небольшіе холсты Геллера также посвящены подвигамъ «сестринскихъ».

Въ общемъ тонѣ выставленъ сѣрый и нѣтъ ничего яркаго, кричащаго, что иногда составляетъ главную прелесть другихъ выставокъ.

Выставка въ училищѣ
бар. Штиглица.
Отдѣлъ акварелей
и скульптуры.

Выставка въ училищѣ
бар. Штиглица.
Декоративная живопись.

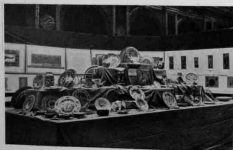

ОТЧЕТНАЯ УЧЕНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА УЧИЛИЩА БАРОНА ШТИГЛИЦА.

Среди художественно-промышленныхъ училищъ столицъ, число которыхъ впрочемъ весьма невелико, «Школа Штиглица» занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, какъ музей училища, состоящій изъ рѣдкостныхъ коллекцій стариннаго фарфора, мебели, тканей и проч., такъ и самая школа мало известна широкой публикѣ, а между тѣмъ открывавшаяся въ концѣ декабря отчетная вы-

ставка представляла большой интересъ для всякаго, кому дороги искусства нашего художественно-техническаго образованія. При вхождѣ на выставку вниманіе посетителя останавливается на рядѣ мастерскихъ исполненіемъ учениками декоративнаго искусства подъ руководствомъ художника П. Ламбина. Многимъ декорация настолько удалась, что невозможно придти въ голову мысля, почему наши частныя театральныя заведенія не обращаются къ ихъ услугамъ и довольствуются только грубой манерой своихъ доморощенныхъ декораторовъ. Эффектныя ряды пате-мортѣ и декоративная живопись, исполненная клеевыми красками, среди нихъ, образцы особеннаго вниманія заслуживаютъ выполненныя этюды стѣнныхъ ковѣвъ стѣны Бузы. Акварельный классъ, которымъ руководитъ профессоръ А. Паравалъ и художникъ Долговъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе, какъ выборомъ мотивовъ, такъ и тѣмъ мастерствомъ съ которымъ исполнены многочисленные работы учениковъ. Единственно, что весьма мало удо-

Выставка въ училищѣ
бар. Штиглица.
Отдѣлъ живописи.

Выставка Петроградского 0-ва
Художников.

В. Ф. Граве.

„Сидящий“.

мает зритель, это однообразие сюжетов. Многочисленные керамические вазы, исполненные под руководством художника Кеера, приятно делятся глазу своим разнообразием форм, среди которых преобладают прекрасного тона красные цвета и единственно, что можно поставить в упрек керамическому отделу, это повторение мотивов, уже раньше использованных для этой цели и бывших на презумпцию выставках. Хороши некоторые вещи из фарфора и рисунки композиционного класса.

Выставка
Петроградского 0-ва
Художников.
М. М. Бабутъ.
„Опыление“.

Малеваной-Зартайкой, давшей целый ряд мелких вещей. Среди архитектурных работ обращают на себя внимание мастерские наброски Новоосколов. Несмотря на их архитектурность, художник сумел в нескольких упрощенных штрихах передать не только весь характер строений испанского прошлого, но и настроение, которое испытывали, глядя на эти каменные палаты, „мансины“, „доминески управления“ Новоосколовской эпохи. Среди немногочисленных портретов на самом видном месте помещены автопортреты Радола Автора, очевидно, увлекся прозаической выставкой Зудова и вообразил себя тоже испанцем. Из многочисленных пейзажей, среди которых есть весьма удачные вещи Лавинской—„Осень“, Верховской—„Тоска“ и „Римский акведук из Сеговии“, Штерер—„Весенний сад“, выделяются работы Эми. Правда, из них чувствуется большое влияние художника Голландии, но написаны они с настроением и в них нет той унылой небрежности, часто ослепляющей работы современных декораторов или художников, им подражающих. За несомненными успехами, от выставки получается впечатлительного чего-то претенциозного и небрежно-наброшенного...

XXXIV-я ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ИМПЕРА- ТОРСКАГО ОБЩЕ- СТВА РУССКИХЪ АКАДЕМИСТОВЪ.

Наибольшее количество работ принадлежит мастерской кисти поч. члена Общ. А. Н. Бенуа, давно замечавшего себя живо и в других местах среди наших академистов. В этом отношении его работы с потугами зарей, отражающейся в толпе людей, одушевленные аллеи, яркие зеленые джунгли. Яркое бегство молодого человека С. Васильевского, усматривающего вдали...

Выставка Петроградского 0-ва
Художников.
К. Маковский.
„Богородица на пеленах“.

ДЕВЯТАЯ ВЫСТАВКА НОВОГО ОБЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВЪ.

Ничего яркого, нового, что бы соответствовало переживаемой нами эпохе, нет.

Съ удивлениемъ останавливается взгляд на аквареляхъ г. Петрова. Чья-то тургеневская вещь отъ его „Прогресса“. Березовая роща купается въ весеннихъ солнечныхъ лучахъ, а среди бѣлыхъ стволовъ, по густой сочной травѣ медленно движется парочка...

До сихъ поръ г. Петровъ выставилъ главнымъ образомъ свои „intérieurs“, которыми и обратилъ на себя вниманіе; теперь же онъ оказывается кромѣ того и отличнымъ пейзажистомъ. Также хорошо и его „Интересное членіе“, кажется, что снятъ это Добинский съ Бочинскимъ, пока не призналъ еще Ив. Алекс. Хвастаковъ и не смуталъ ихъ провинциальное новое.

Преферсо написаны г. Правдинковыми старушка, сидящая у окна близка—„У свѣтъ“ и дѣвчѣ; оригинальна по замыслу и его „Свѣтушка“. И дѣвчѣ-морозъ и свѣтушка написаны въ видѣ субъективныхъ пейзажей. Хорошего рисунка и прѣтн по манеру итальянскихъ этюдовъ г. Шестопалова, а уютный intérieor вызываетъ впечатленіе дѣтского дѣства, когда приходится и вадѣ и сидѣть на спинѣ диванахъ.

Эскизно, но правдиво и смело, написана Девал-Вос-Кардовской дѣвчонка, сидящая на террасѣ за книжкой. Кардовскій, по-своему время давній рядъ таинственныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ христіанской литературы, въ этомъ году выбралъ повѣсть Лермонтова „Княжна Лизовская“. До тойжѣсти изучивъ эпоху 40-хъ годовъ минувшаго вѣка, онъ мастерски подражаетъ стариннъ, и его рисунки производятъ впечатленіе „картинокъ“, вырванныхъ изъ какой-то старинной книжки. Умеленіе декоративной живописи сильно сказывается въ вѣпашъ Брановского—„Изъ Фабрика“, „Смерть Пьеро“ и „Въ вору“. Это скорее календ-то эскизы для выставокъ въ стилѣ „модернъ“, чѣмъ законченныя вещи для выставки. Впрочемъ, теперь пришла мода не особенно церемониться въ этомъ направленіи, и потому, подъ именемъ новыхъ и новыхъ, художники не стѣсняются показывать часто самыя грубыя, пошлотебныя работы. Такимъ кажутся акварели Лавре. Малое же увлеченіе русскому живописцу отразилось въ произведеніяхъ

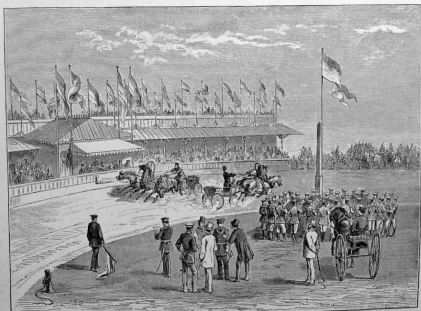
36

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО.

На ипподромѣ Императорскаго Бѣгова Общества.

Въ центрѣ д. членъ Императорскаго Петроградскаго Общества п. р. к. Д. А. Хриновъ, владѣлецъ „Зуримъ“, побѣдительница приза въ память графа А. Г. Шереметева. Справа отъ него: кавалеръ Общества А. А. Зотовъ и б. ст. членъ Императорскаго Московскаго Бѣгова Общества Д. Д. Левшинъ. Сѣва стоятъ: Р. Р. Правохенскій и кж. А. А. Гагаринъ. Сидитъ издатель спортивнаго журнала Л. Л. Вильсонъ.

Троечный бѣгъ въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ.

(Съ гравюры на деревѣ того времени).